

Современные возможности судебной психологической и комплексной экспертизы при исследовании видеозаписей процессуальных и непроцессуальных действий

 Т.Н. Секераж

Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

Аннотация. Рассмотрены некоторые типичные ситуации, возникающие в ходе психологического судебно-экспертного исследования видеоматериалов при необходимости установления следующих фактических данных: «признаков достоверности» сообщаемой информации, спонтанности и подготовленности речи допрашиваемого, внешнего влияния на сообщаемые сведения (показания), эмоционального состояния индивидуально-психологических особенностей допрашиваемого. Разобраны ситуации, возникающие при исследовании видеоматериалов, фиксирующих неформальную коммуникацию. Определен круг задач, для разрешения которых необходимы различные специальные знания, прежде всего в области судебной психологической и судебной лингвистической экспертизы. Экспертные задачи, возникающие при судебно-экспертном исследовании видеозаписей процессуальных и непроцессуальных действий, зависят от категории дела, значения и процессуального статуса видеозаписи в системе доказательств по делу, а также от ряда других факторов. Особое внимание уделено пределам компетенции экспертов разных специальностей, в том числе вопросам, которые на данном этапе развития науки не могут быть решены экспертным путем.

Ключевые слова: *судебная психологическая экспертиза, судебная лингвистическая экспертиза, комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза, видеозаписи следственных действий, компетенция эксперта, экспертные ситуации, признаки достоверности показаний, подготовленность речи*

Для цитирования: Секераж Т.Н. Современные возможности судебной психологической и комплексной экспертизы при исследовании видеозаписей процессуальных и непроцессуальных действий // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 1. С. 100–113.
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-100-113>

Current Capacities of Forensic Psychological and Comprehensive Analysis When Examining Footage of Procedural and Non-Procedural Actions

 Tat'yana N. Sekerazh

The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

Abstract. The article addresses some typical situations arising in the course of a forensic psychological examination of footage when it is necessary to establish the following factual data: signs of the credibility of the information reported, spontaneity and preparedness of an interrogated person's speech, external influence on the given testimony, the emotional state of the interrogated person and his/her psychological characteristics. The author analyses the situations that arise when examining the footage showing informal communication. The article also determines the range of tasks to solve which, the expert needs various specialized knowledge, primarily in the fields of forensic psychology and linguistics. Expert tasks occurring in forensic analysis of the footage of procedural and non-procedural actions depend on the case's category, significance and procedural status of the footage in the evidentiary framework on the case, and some other factors. The author pays particular attention to the scope of expert competence for different specialties, including on the issues that cannot be solved by expert means at the current stage of scientific development.

Keywords: *forensic psychology, forensic linguistics, comprehensive forensic psychological and linguistic analysis, footage of investigative actions, expert competence, expert situations, signs of credibility of testimony, preparedness of speech*

For citation: Sekerazh T.N. Current Capacities of Forensic Psychological and Comprehensive Analysis When Examining Footage of Procedural and Non-Procedural Actions. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2021. Vol. 16. No. 1. P. 100–113. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-100-113>

Введение

Судебная психологическая экспертиза как прикладная отрасль психологической науки интенсивно развивается [1]. В 2017 году в системе федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждений (СЭУ) Минюста России было нормативно закреплено новое направление – судебная психологическая экспертиза [2] и введена новая экспертная специальность 20.2 «Психологическое исследование информационных материалов»¹. В это направление вошло исследование видеоматериалов, фиксирующих различные по процессуальному статусу действия: следственные действия (допрос, проверку показаний на месте, очную ставку и др.); объяснение, получаемое при проверке сообщения о преступлении; опрос, осуществляемый адвокатом; допрос нотариусом; результаты оперативно-розыскной деятельности (в рамках выявления коррупционных преступлений, мошенничества и др.), результаты скрытого наблюдения и прослушивания, записи наружного наблюдения, любительские аудио- и видеозаписи, домашнее видео, видеообращения. Такие видеоматериалы являются, как правило, иными доказательствами по делу в уголовном процессе (ст. 74 УПК РФ²) и представляют собой особый вид доказательств в гражданском процессе (ч. 1. ст. 55, ст. 77 ГПК РФ³), а для исследования их содержания нередко используют различные специальные знания.

Некоторые типичные ошибки, возникающие при производстве таких экспертиз, были рассмотрены в книге «Судебная экспертиза: типичные ошибки», которая с тех пор претерпела не одно стереотипное переиздание [3]. Вместе с тем методология судебной психологической экспертизы развивается, в связи с чем некоторые положения требуют пересмотра и уточнения. Современные возможности психологического и лингвистического исследования содержания видеозаписей допросов и иных следственных действий были обозначены нами в ходе разработки соответствующей экспертной методики [4–6]. В настоящее время методика прошла апробацию и валидацию, издана и включена в программу подготовки экспертов по судебной психологической и судебной лингвистической экспертизе (специальности 20.2 «Психологическое исследование информационных материалов» и 26.1 «Исследование продуктов речевой деятельности»⁴). Продолжается ее внедрение в экспертную практику СЭУ Минюста России [7]. Изложенный в методике подход к установлению внешнего влияния на содержание показаний применим и при исследовании видеозаписей непроцессуальных действий, в том числе видеоматериалов, которые записывали участники процесса (например, законные представители потерпевших, стороны по гражданскому делу при фиксации взаимодействия одного из родителей с ребенком и другими лицами).

Задачи исследования видеозаписей процессуальных и непроцессуальных действий различны. Они зависят от категории дела, значения видеозаписи в системе доказательств по делу и ее процессуального статуса, а также от других факторов. Цель работы – рассмотреть наиболее типичные судебно-экспертные ситуации, возникающие при исследовании видеоматериалов

¹ Приказ Минюста России от 19 сентября 2017 г. № 169 «О внесении изменений в приложения № 1 и № 2 к приказу Минюста России от 27 декабря 2012 г. № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России». <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201709260015>

² Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (ред. от 24.02.2021).

³ Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» (ред. от 08 декабря 2020 г., с изм. от 02 марта 2021 г.).

⁴ Здесь и далее приведены шифры и названия специальностей, по которым проходят обучение и аттестацию государственные судебные эксперты в системе СЭУ Минюста России.

процессуальных и непроцессуальных действий, определить круг решаемых задач и специальные знания, которые должны быть применены для их решения.

Исследование видеоматериалов процессуальных и непроцессуальных действий

В последнее время все чаще при производстве следственных действий применяется видеозапись. Согласно ч. 2 ст. 166 УПК РФ, при производстве следственного действия могут применяться киносъемка, аудио- и видеозапись, материалы которых хранятся при уголовном деле и прилагаются к протоколу следственного действия (ч. 8 ст. 166 УПК РФ). В ходе следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля (предусмотренных главой 26 УПК РФ) применение видеозаписи или киносъемки обязательно за исключением случаев, если несовершеннолетний потерпевший или свидетель либо его законный представитель против этого возражает (ч. 5 ст. 191 УПК РФ). Данное положение призвано, с одной стороны, повысить информативность следственного действия, а с другой – избежать повторных допросов (как факторов вторичной психотравматизации) несовершеннолетних участников процесса, и тем самым способствовать защите прав и интересов несовершеннолетних. Фиксация следственного действия с помощью видеозаписи позволяет более полно исследовать такие доказательства, как показания несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, поскольку в отличие от протокола следственного действия, видеозапись запечатлевает все особенности речи лица, дающего показания, отражает психическое (эмоциональное) состояние, в котором он находится, позволяет отследить влияние на его показания иных участников [8]. Поэтому отсутствие видеозаписи допроса несовершеннолетнего потерпевшего по причине несогласия его законного представителя часто лишает следователя и суд возможности объективной оценки показаний с учетом особенностей их формирования.

Согласно ст. 190 УПК РФ, ход и результаты допроса отражаются в протоколе, составляемом в соответствии со статьями 166 и 167 УПК РФ. Показания допрашиваемого лица записываются от первого лица и по возможности дословно, а вопросы и ответы на них – в той последовательности, которая

имела место в ходе допроса. Вместе с тем практика и исследования⁵ показывают, что в протоколах допроса несовершеннолетних лиц их индивидуальная речь как авторов-информантов достаточно часто подвергается обработке со стороны лица, ведущего протокол (автора-оформителя), а задаваемые вопросы опускаются или редуцируются [9].

При изменении показаний наличие видеозаписи допроса позволяет оценить особенности получения показаний непосредственно в момент их формирования. Потребность в применении специальных знаний при необходимости последующей правовой оценки содержания видеозаписи допроса чаще всего возникает в случаях, когда допрашиваемый меняет показания, заявляет, что показания даны им не самостоятельно, а под воздействием (со стороны участников следственного действия или фигурантов по делу), либо сообщает, что находился в период допроса в таком эмоциональном состоянии, которое нарушало его способность правильно осмысливать происходящее и давать верные ответы на вопросы либо ориентироваться на месте преступления. Кроме того у следствия могут возникать сомнения в достоверности показаний, основания предполагать оговор или самооговор, в том числе ввиду противоречивости показаний. Такие обстоятельства порождают тактические действия двух основных видов – направленные на установление достоверности показаний либо на исключение факторов, которые могли оказать влияние на содержание показаний (например, исключение фактов неправомерного психологического воздействия в ходе допроса со стороны его участников или подготовленности/заученности речи).

Установление «признаков достоверности» сообщаемой информации

Некоторое время назад были предприняты попытки ввести в судебную практику так называемую экспертизу достоверности показаний⁶. Это побудило экспертное сообщество выступить с научных позиций.

⁵ См., например: Татарникова Н.М. Координация первичного и вторичного речевых жанров в официально-деловом стиле (на примере допроса и протокола допроса). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004. 23 с.

⁶ Енгальчев В.Ф., Кравцова Г.К., Холопова Е.Н. Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий). Монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 328 с.

Были изучены предложения по методике⁶ и заключения эксперта, которые выполнялись с его использованием, обобщена экспертная практика и проанализирована обширная отечественная и зарубежная литература на соответствующую тему, поскольку авторы монографии ссылались на зарубежный опыт. В результате ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (далее – РФЦСЭ) совместно с ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России при участии ведущих ученых страны подготовили информационное письмо «О недопустимости определения достоверности показаний путём судебной экспертизы» [10]. Информационное письмо рассматривалось на совещании в формате круглого стола в Главном управлении криминалистики Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК России) 24 марта 2017 г. По результатам совещания председателем СК России принято решение впредь до разработки соответствующей типовой экспертной методики назначать экспертизы такого вида только в исключительных случаях, при этом предусмотреть процедуру их обязательного согласования с Главным управлением криминалистики в целях определения в каждом конкретном случае альтернативных процессуальных способов участия специалистов-психологов в исследовании показаний участников уголовного судопроизводства. Данное решение было доведено до заинтересованных лиц на местах⁷.

В информационном письме [10] было показано, что современная наука не обладает возможностями установления достоверности сообщаемых сведений, искажения этих сведений и т. п. Было установлено, что уровень научной и методической обоснованности судебно-психологических исследований достоверности показаний недостаточен для проведения обоснованных исследований для решения данного вопроса в форме судебной экспертизы.

Аналогичный вывод о необоснованности подобных экспертных исследований содержится в резолюции Международной научно-практической конференции «Судебно-психологическая экспертиза и комплексные судебные исследования видеозаписей», которая проходила 16 марта 2017 г. в Российском государственном университете правосудия при широком представитель-

стве экспертного сообщества и судейского корпуса. Свою позицию, помимо психологов и юристов, высказали представители Верховного суда Российской Федерации. Согласно резолюции конференции, устанавливать при производстве судебной экспертизы достоверность сообщаемых сведений (их соответствие действительности, реальность, искажения и т. п.) на современном этапе развития науки и техники невозможно.

Одним из положений резолюции являлась констатация необходимости проведения эмпирических исследований, однако вместо таких исследований появились практически идентичные, будто клонированные, издания упомянутой выше монографии 2016 года. Так, работа была дважды переиздана под новым названием без изменения основного содержания, но с приращением авторского коллектива. Первоначальное название было преобразовано в «Методику выявления признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий): научно-практическое пособие» и затем в «Методику исследования коммуникативного поведения с целью выявления психологических признаков искажения информации». Представляется, что таким образом предполагалось завуалировать истинную направленность методики на установление достоверности показаний, о чем свидетельствуют, помимо собственно содержания, рекомендованные экспертные вопросы, а также заключения, выполняемые с применением этой методики⁸.

Ввиду того, что экспертизы, не имеющие строгих научных основ, в государственных СЭУ не проводятся [11], они выполняются отдельными специалистами ряда образовательных учреждений, а также частными организациями или негосударственными экспертами, извлекающими коммерческую выгоду (в том числе различными так называемыми академиями детекции лжи и т. п.), которые помимо указанных методик применяют другие различные «авторские

⁷ Письмо СК России № 215-36319-17 от 09 августа 2017 г.

⁸ Заключение эксперта анализировались нами на основании адвокатских запросов в соответствии со ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

методики»⁹. В настоящее время в СЭУ системы Минюста России продолжают поступать письма о возможностях проведения таких экспертиз с целью получить отказ от государственного СЭУ и поручить производство экспертизы частным экспертам.

При возникновении рассматриваемой судебно-экспертной ситуации – поручении эксперту производства экспертизы с вопросами о признаках достоверности показаний, достоверности сведений об обстоятельствах дела, даваемых в любой форме (в том числе в виде предтестовой беседы при проверке на полиграфе или направленной беседы в процессе очной судебной психологической экспертизы в отношении живого лица), о так называемых психологических признаках достоверности показаний, признаках конструирования ложных сообщений или скрываемых обстоятельств и тому подобных феноменов¹⁰ – эксперту не следует возвращать дело без исполнения постановления о назначении экспертизы, он должен составить мотивированное сообщение о невозможности дать заключение на том основании, что современный уровень развития психологической науки не позволяет ответить на поставленные вопросы, а также в связи с тем, что такие вопросы выходят за пределы специальных знаний эксперта. Кроме того, решение указанных вопросов лежит за пределами специальных знаний психологов и лингвистов.

Вместе с тем при раскрытии и расследовании преступлений помимо судебной экспертизы могут эффективно использоваться иные формы участия специалистов-психологов в исследовании показаний участников уголовного судопроизводства [12–14].

Установление подготовленности речи

Проблема подготовленности звучащей речи многоаспектна и возникла достаточно давно. В 2003 г. сотрудник РФЦСЭ М.В. Хитина под научной редакцией Е.А. Брызгуновой подготовила методическое письмо для экспертов «Дифференциация спонтанной (неподготовленной) и подготовленной устной речи» [15]. Задача дифференциации решалась

в рамках криминалистической экспертизы видео- и звукозаписей лингвистами, аттестованными по специальности 7.1 «Исследование голоса и звучащей речи» [16, с. 108]. Позже, на заседании научно-методической секции РФЦСЭ по судебной экспертизе видео- и звукозаписей, было решено «временно приостановить решение вопроса спонтанности и подготовленности речи говорящего в рамках экспертной специальности 7.1 и подготовить соответствующее информационное письмо» (протокол от 14–15 ноября 2016 г.), что и было сделано¹¹. На том же заседании была поддержана инициатива создания рабочей группы с участием представителей различных экспертных специальностей «для методического усовершенствования решения данного вопроса». Но ввиду отсутствия результатов деятельность рабочей группы через два года была прекращена, а экспертам рекомендовано действовать в соответствии со своими компетенциями¹², что дало возможность возобновить необоснованно приостановленные экспертные исследования по вопросу установления спонтанности и подготовленности речи. В разных СЭУ системы Минюста России сложилась различная практика: в большинстве учреждений данный вопрос по-прежнему не решается экспертами в рамках специальности 7.1, в других – решается экспертами иных специальностей (например, психологами¹³). В РФЦСЭ по вопросам подготовленности речи проводятся аудитивно-лингвистические исследования экспертами-лингвистами, аттестованными по специальности 7.1 «Исследование голоса и звучащей речи», как единолично, так и комиссионно с экспертами-психологами, имеющими право подписи по специальности 20.1 «Исследование психологии человека».

Актуальность решения рассматриваемой задачи обусловлена спросом со стороны следственных органов, что нередко связано с потребностью получения данных для оценки достоверности показаний либо установления факта влияния третьих лиц на содержание сведений, сообщаемых допрашиваемым (речь которого подлежит

⁹ См., например: К вопросу о экспертизе идеальной следовой информации. <http://expert-spfi.ru/k-voprosu-o-ekspertize-idealnoy-sledovoy-informatsii>

¹⁰ Вопросы типа «Соответствует ли специфика организации речевого действия лица в процессе производства данных следственных действий моделям порождения речевого сообщения идеальной следовой информации?» и т. п.

¹¹ Письмо РФЦСЭ № 16-6761 от 27 декабря 2016 г.

¹² Протокол заседания научно-методической секции РФЦСЭ от 21–23 ноября 2018 г.

¹³ Нефедова Н.В. Психологические признаки подготовленности речи. Доклад на Всероссийском научно-практическом семинаре с международным участием «Актуальные проблемы комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы» (6–9 июня 2016 г., Ростов-на-Дону).

экспертному анализу). В случае исследования видеозаписи допроса (или иного следственного действия) подготовленность речи допрашиваемого не может быть доказательством недостоверности сообщаемой информации, равно как и спонтанность и неподготовленность речи не доказывают ее достоверность. Согласно ч. 3 ст. 189 УПК РФ при допросе допрашиваемое лицо вправе пользоваться документами и записями. Случается, что потерпевшие по сексуальным преступлениям используют свои записи о криминальных событиях, сделанные в менее психотравмирующей обстановке (нежели ситуация допроса или очной ставки с обвиняемым), которая способствует более полным воспоминаниям. Наличие таких записей при очевидной подготовленности речи не может свидетельствовать о недобросовестности потерпевшего или недостоверности его показаний. Поэтому в случае установления признаков подготовленности речи правильным будет дополнение экспертом вывода сообщением о том, что не исключается соответствие содержания речи действительности. С другой стороны, содержание спонтанной речи также может как соответствовать, так и не соответствовать действительности¹⁴. По сравнению с подготовленностью речи при использовании записей более информативными могут быть несоответствия между основными характеристиками речи говорящего на различных ее этапах, а также появление особенностей, характерных для нарушений заученной речи при перебивании говорящего.

Вопрос перед экспертом может быть сформулирован в одном из двух вариантов: 1) «Какова степень подготовленности речи допрашиваемого?» или 2) «Имеются ли в речи допрашиваемого признаки заученности? Если да, то в чем они выражаются?» Первый вопрос обусловлен наличием разных степеней подготовленности речи, таких как речь на заранее известную тему; речь по обдуманному плану; речь, отдельные части которой обдуманы/подготовлены; полностью подготовленная речь (по существу, заученная, воспроизводимая наизусть). При экспертной оценке звучащей речи степень ее подготовленности должна быть диффе-

ренцирована, а признаки указаны в заключении. В настоящее время при исследовании аудио- и видеозаписей не могут быть решены вопросы об инсценировке коммуникации или ее психологических признаках. Участие психолога в исследовании речи по данному вопросу связано с потребностью применения знаний не только об особенностях порождения речи и особенностях коммуникации [17–19] (которыми в должной для своей специальности и часто достаточной мере владеет лингвист и которые вместе с тем составляют предмет междисциплинарных исследований), но и знаний в области психологии личности, психологии эмоциональных состояний и особенностей речи в различных состояниях¹⁵ [20–23]. Такие специальные знания входят в перечень компетенций в рамках экспертной специальности 20.1 «Исследование психологии человека». Такие же компетенции необходимы эксперту при установлении эмоционального состояния говорящего (допрашиваемого) и влияния этого состояния на его психическую деятельность (при допросе, который зафиксирован в представляемом на исследование материальном объекте).

Среди материалов, поступающих на экспертизу, должны присутствовать видеозапись события (например, допроса) в качестве, пригодном для аудиального и визуального восприятия; сведения, характеризующие допрашиваемого, и заключение по делу в отношении данного лица судебно-психиатрической или комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. Желательно дословное содержание речи всех участников зафиксированного на видеозаписи события. Речь говорящего должна иметь форму повествования, не прерываться уточняющими вопросами. Речь, представляющая собой краткие ответы на вопросы, мало пригодна для исследования с целью установления степени ее подготовленности. Все это обуславливает особенности проведения следственного действия и его фиксации: требования к помещению, оборудованию и лицу, осуществляющему видеосъемку, ракурсу съемки, качеству изображения, к поведению лиц, присутствующих при следственном действии (законных представителей несовершеннолетних и др.), к лицу, ведущему следственное действие (например, ведение протокола следственного действия отвле-

¹⁴ Также как и при повышенной склонности к фантазированию или повышенной внушаемости потерпевший или свидетель может давать как достоверную, так и недостоверную информацию. Наличие той или иной индивидуально-психологической особенности напрямую с достоверностью показаний не связано.

¹⁵ Речь людей различного психологического типа и в различных состояниях обладает разными характеристиками.

кает внимание следователя от допрашиваемого и сообщаемой тем информации, порождает многочисленные паузы и прерывание речи, необходимые для письменной записи показаний, уточняющие вопросы)¹⁶.

Установление внешнего влияния на сообщаемые сведения (показания)

Типовых ситуаций, возникающих при необходимости установления внешнего влияния на сообщаемые сведения, несколько. Ситуация первого типа характерна для исследования видеозаписи следственного действия (например, допроса) либо ряда следственных действий (допроса, дополнительного допроса, проверки показаний на месте, очной ставки). На сегодняшний день исследования с целью установления внешнего влияния на содержание показаний методически обеспечены [7]. Юридическое значение такого вида экспертизы связано с требованиями уголовно-процессуального законодательства, которыми не допускаются некоторые способы воздействия на лицо, дающее показания. Это наводящие вопросы (ч. 2 ст. 189, ч. 2 ст. 194 УПК РФ), оказывающие содержательное речевое воздействие на допрашиваемого, также насилие, угрозы и иные незаконные меры, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц (ч. 4 ст. 164 УПК РФ), т. е. психологическое воздействие в форме угрозы и физическое воздействие в форме насилия¹⁷. Психологическое и физическое воздействие может использоваться как в целях оказания влияния на содержание показаний (сообщение требуемой информации), так и в целях побуждения к сообщению известной лицу информации, формирования у него соответствующей мотивации [24–25]. Последней цели подчинено применение следователем знаний о психологии допроса и психологии обвиняемого, свидетеля, потерпевшего (в зависимости от статуса лица, дающего показания) при выборе тактики проведения допроса или иного следственного действия [26–29].

¹⁶ Требования к проведению следственных действий с использованием видеозаписи для ее последующего экспертного исследования изложены в готовящихся к изданию методических рекомендациях для следователей.

¹⁷ При допросе не могут нарушаться конституционные права граждан. Согласно ст. 21 Конституции Российской Федерации, никто не может подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению.

Недопустимость использования наводящих вопросов касается всех участников следственных действий, имеющих право задавать вопросы, в том числе адвоката, эксперта, специалиста, переводчика, педагога или психолога. В экспертной практике нередки случаи, когда содержательное воздействие в виде особым образом сформулированных вопросов («закрытых» вопросов (closed), наводящих (leading, heavily-leading), вопросов, предполагающих ответ да/нет (yes/no questions) и содержащих альтернативы (multiple questions), вопросов, содержащих отрицание или двойное отрицание (questions with negatives and double negatives); и особой тактики их предъявления оказывают педагоги-психологи, принимающие участие в следственных действиях, проводимых в отношении несовершеннолетних лиц.

Следует подчеркнуть, что объектами исследования не являются ни деятельность следователя, ни деятельность иных лиц, участвующих в следственном действии¹⁸, а лишь особенности психической деятельности и поведения (в том числе речевого) допрашиваемого лица в юридически значимой ситуации. Наводящий вопрос способен оказать влияние на содержание ответа в зависимости от вводимого в вопрос количества его вариантов и аксиологической установки, которая может быть выражена как вербальными, так и невербальными средствами. Поэтому при данном виде экспертизы основная задача заключается в установлении таких высказываний допрашиваемого, которые были сформированы установкой на ответ. Задача решается в несколько этапов экспертами двух специальностей – 26.1 «Исследование продуктов речевой деятельности» и 20.2 «Психологическое исследование информационных материалов».

Наряду с видеозаписями следственных действий сообщение лицом каких-либо важных (в том числе криминалистически и юридически значимых) сведений может быть зафиксировано в иной процессуальной форме. К таким формам относится объяснение, получаемое в порядке ст. 144 УПК РФ при проверке сообщения о преступ-

¹⁸ Поэтому вопросы о признаках недопустимого психологического воздействия, оказываемого на допрашиваемого со стороны допрашивающего или иных участников следственного действия, неправомерны.

лении¹⁹; допрос свидетеля нотариусом²⁰; опрос, проводимый защитником в соответствии с ч. 3 ст. 86 УПК РФ; объяснение лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, а также показания потерпевшего и свидетелей, которые в случае необходимости записываются и приобщаются к делу²¹. К непроцессуальным действиям относится опрос как оперативно-розыскное мероприятие, проводимое в соответствии со ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. от 30 декабря 2020 г.). Полученные в различных процессуальных формах сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статей 75 и 89 УК РФ. Возникающая ситуация исследования видеозаписей перечисленных выше действий по типу в целом аналогична предыдущей (когда исследуются видеозаписи следственных действий). В случае же исследования аудиозаписи экспертные задачи решить нельзя, поскольку недоступен визуальный канал восприятия информации о поведении участников и коммуникативной обстановке.

Помимо ранее указанных требований к направляемым на экспертизу материалам относится наличие в деле предыдущих показаний допрашиваемого (если он допрашивается или опрашивается не в первый раз). Это необходимо для определения характера используемой во время допроса информации – как уточняющей, заведомо известной допрашиваемому и сообщенной им ранее, или новой, поскольку введение новых сведений может сформировать установку на ответ и повлиять на его содержание. Это наиболее актуально в случае несовершеннолетних (особенно дошкольников и младших школьников) [29–32] и лиц, обладающих повышенной податливостью

внешнему воздействию в силу своих индивидуально-психологических особенностей или эмоционального состояния [33–34]. Вместе с тем эксперт может использовать не всю представленную в деле информацию, поскольку результаты исследования видеозаписи допроса (являющейся одним из доказательств по делу) не должны существенно зависеть от иных доказательств, еще не получивших оценки следствия.

Описание технологии экспертного исследования видеозаписи допроса не входит в задачи настоящей работы, ее последовательность подробно изложена в методике психолого-лингвистического исследования видеоматериалов процессуальных действий [7].

Установление эмоционального состояния допрашиваемого и его индивидуально-психологических особенностей

Задача, связанная с установлением эмоционального состояния допрашиваемого в период допроса, обуславливает экспертную ситуацию еще одного типа. К числу юридически значимых относится вопрос: «В каком эмоциональном состоянии находился допрашиваемый (опрашиваемый) во время процессуального действия, зафиксированного в представленном видеофайле? Оказало ли оно существенное влияние на его способность давать показания?»²² [6].

При исследовании видеозаписей следственных действий с помощью невключенного наблюдения (визуальной диагностики) тонкое дифференцирование психических (эмоциональных) состояний крайне затруднительно. Вместе с тем необходимость в нем отсутствует, поскольку в контексте установления способности лица к осознанно-волевому поведению при проведении следственного действия с его участием психические (эмоциональные) состояния (нервно-психическое напряжение, фрустрация и др.) должны рассматриваться с точки зрения выявляемых нарушений протекания психических процессов и деятельности [29, с. 16–20]. Поэтому значимым является установление существенности либо несущественности влияния состояния на деятельность и поведение допрашиваемого. Такая задача выходит за пределы

¹⁹ Такие объяснения в отношении несовершеннолетних жертв сексуальных правонарушений (при сообщении о таком преступлении) нередко именуются в литературе и практике опросами, что не корректно. При получении объяснения лицо, проводящее проверку, вправе привлекать к участию в этих действиях специалистов.

²⁰ Согласно ст. 103 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате», утвержденных Верховным Судом Российской Федерации 11 февраля 1993 г. № 4462-1 в ред. от 30 декабря 2020 г., в порядке обеспечения доказательств нотариус допрашивает свидетелей.

²¹ Ст. 26.3 Федерального закона от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (ред. от 24 февраля 2021 г., с изм. и доп., вступившими в силу с 07 марта 2021 г.).

²² В РФЦСЭ разработан методический подход к диагностике эмоционального состояния и характера его влияния на способность давать показания, который в настоящее время проходит испытания.

специальных знаний эксперта в рамках специальности 20.2 «Психологическое исследование информационных материалов» и требует применения специальности 20.1 «Исследование психологии человека».

В ходе исследования видеозаписи допроса потерпевшего или свидетеля при наличии в деле достаточных характеризующих материалов, заключения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы в отношении данного лица (если таковая проведена) либо при возможности очного экспертного психологического обследования подэкспертного может быть решен вопрос: «Имел ли подэкспертный, учитывая его индивидуально-психологические особенности, эмоциональное состояние во время следственного действия, зафиксированного на видеозаписи, а также конкретные обстоятельства дела, актуальную возможность давать показания об интересующих следствие обстоятельствах?». Эксперт может ходатайствовать перед лицом, назначившим экспертизу, о предоставлении возможности очного обследования, руководствуясь ч. 3 ст. 57 УПК РФ. Если такая задача не стоит, проведения очного психологического исследования не требуется. Указанная задача может быть поставлена также при назначении судебной психологической или комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы в отношении потерпевшего или свидетеля, когда в материалах дела имеются видеозаписи допросов и иных следственных действий с участием подэкспертного. Это позволит экспертам более полно и всесторонне выполнить оценку его способности воспроизводить юридически значимые обстоятельства, что включает определение как *потенциальной* способности давать показания (зависит от сформированности психических процессов и психологических структур и устанавливается на основании клинко-психопатологического и экспериментально-психологического исследования), так и *актуальной* возможности ее реализации в юридически значимой ситуации допроса, зафиксированной на видеозаписи, т. е. в полной мере учесть влияние на способность давать показания эмоционального и ситуационного факторов [35, с. 10–14; 36, с. 211].

Установление исключительно по видеозаписи допроса индивидуально-психологических особенностей допрашиваемого,

в том числе повышенной²³ внушаемости или повышенной склонности к фантазированию, представляется на современном этапе развития психологии и судебной психологической экспертизы преждевременным. Несомненно, суждение о личностных особенностях человека на основании визуальной психологической диагностики по видеозаписи допроса может выносить специалист, но вряд ли это может делать судебный эксперт²⁴. Возможности последнего пока ограничены (в силу требования закона о строгой научной обоснованности проводимых исследований) установлением особенностей поведения и эмоционального реагирования допрашиваемого непосредственно в ситуации допроса. К таким особенностям могут относиться ситуативная податливость влиянию со стороны окружающих, а также фантазирование (например, в виде своеобразной образности речи, семантических приращений информации, ее комбинирования, нанизывания), которые проявляются в зависимости от внешних, средовых, факторов (обстановки допроса, поведения окружающих, особенностей формулирования вопросов и др.). Сущность фантазирования (воображения) состоит в преобразовании представлений памяти, в создании новых образов на основе имеющихся, в отражении реальной действительности в новых сочетаниях и связях (в том числе с перестановкой элементов реальности). Механизмы воображения могут включаться при необходимости восполнения забытых или не воспринятых (пропущенных) образов, элементов ситуации, событий, а также при замещении воспринятых образов воображаемыми (вымышленными) (см., например, [37–39]). В связи с этим важно учитывать жизненный опыт ребенка, от которого могут зависеть содержание и продуктивность его воображения, но который не всегда становится достоянием уголовного дела. В настоящее время дети имеют гораздо большую информированность в вопросах, например, половых отношений, нежели 5–10 лет назад, что беспрецедентно повышается в связи с феноменом «цифрового детства» [40, 41], доступностью социальных сетей

²³ Повышенной по сравнению с нормотипичными показателями (в том числе возрастными нормами).

²⁴ А также решение в процессе судебной экспертизы (а не консультирования).

и различных сервисов, содержащих сексуальный контент²⁵.

Исследование видеоматериалов, фиксирующих неформальную коммуникацию

К направляемым на экспертизу материалам, в которых зафиксирована неформальная коммуникация, прежде всего относятся видеозаписи следующих событий и явлений: разговоров (бесед) или взаимодействия взрослых с детьми; поведенческих проявлений и/или речи ребенка или взрослого; взаимодействия между детьми (например, в детском образовательном учреждении, ином общественном месте, дома). Направленность материалов и коммуникации, которая в них зафиксирована, разнообразна. Содержащиеся в объектах беседы с ребенком или речь ребенка, как правило, имеют две основные темы – совершение родителем ребенка или иным взрослым противоправных действий в отношении него (сексуального злоупотребления, жестокого обращения и др.) либо отношение ребенка к одному из родителей. Такие видеозаписи могут быть приобщены к делу, как уголовному, так и гражданскому по иску, связанному с лишением или ограничением родительских прав, со спором о воспитании детей. В первом случае, если поступающие на экспертизу видеозаписи, рассматриваются как доказательства совершенных в отношении ребенка противоправных действий, о которых ребенок сообщает (как в виде монолога, так и в диалоге со взрослым), то исследование проводится комплексно лингвистом и психологом в соответствии с методическим подходом, содержащимся в методике [7] (специальность 20.2), а также по вопросам о внешнем влиянии на содержание речи ребенка, о подготовленности и самостоятельности речи (специальность 20.1). В иных случаях (при фиксации межличностной коммуникации между взрослым и ребенком) могут быть установлены коммуникативные намерения говорящих (что бывает важно при оценке направленности речи взрослого при подозрении на жестокое обращение, унижение человеческого достоинства ребенка, доведение до само-

убийства и др.). Исследуемые объекты могут не иметь целостности и законченности, представлять собой фрагменты коммуникации, что необходимо учитывать при определении и формулировании вывода. Учитывая особенности объектов, вопросы могут быть решены не всегда. Решение ряда вопросов требует очного психологического или психолого-психиатрического обследования ребенка. Например, не может быть решен только по видеозаписи вопрос о наличии у ребенка психологических последствий совершения в отношении него противоправных действий. Установление психического состояния ребенка, наличия у него посттравматических реакций и их связи с действиями виновного возможно только при очном обследовании ребенка в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы [42].

Экспертные задачи по исследованию видеозаписей, приобщенных к материалам гражданского дела по семейным спорам, могут решаться различными экспертами, обладающими компетенциями: в исследовании звучащей речи, ее подготовленности и эмоциональной окрашенности (специальность 7.1), в исследовании влияния поведения и речи окружающих на речь ребенка (специальности 20.1, 26.1), в исследовании поведенческого и эмоционального реагирования ребенка (специальность 20.1). Помимо указанных выше вопросов о подготовленности речи и внешнем влиянии на ее содержание, могут быть поставлены следующие вопросы: «Каково эмоциональное состояние ребенка во время разговоров, содержащихся на представленных видеозаписях, и с чем оно связано?», «Какое отношение ребенок проявляет к матери (отцу) во время разговоров, содержащихся на представленных видеозаписях, и с чем оно связано?», «Отражено ли в представленных видеозаписях какое-либо воздействие на ребенка со стороны матери, отца, других членов семьи? Если да, то в чем оно выражается и на что направлено?»

Приобщенные к делу видеозаписи, фиксирующие поведение детей и проявляемое ими отношение к родителям, иным взрослым (воспитателям, педагогам, учителям и др.), могут исследоваться также при производстве судебной психологической экспертизы, проводимой в отношении живых лиц как по уголовным, так и по гражданским делам. В связи с этим актуальной представляется интеграция психологических зна-

²⁵ По данным отечественных исследователей, полученных до 2012 года, 40 % российских школьников сталкивались с изображениями сексуального характера онлайн и офлайн, 34 % из них в Интернете. По данным 2017 года 48 % московских школьников посещают сайты, содержащие сексуальный контент [40].

ний, входящих в различные специальности в рамках рода судебной психологической экспертизы (20.1 «Исследование психологии человека» и 20.2 «Психологическое исследование информационных материалов»).

Заключение

При назначении судебной экспертизы по видеоматериалам следственных действий, а также по видеозаписям непроцессуальных действий, могут возникать различные судебно-экспертные ситуации. К наиболее типичным относятся ситуации, возникающие при необходимости установления следующих фактических данных: «признаков достоверности» сообщаемой информации, спонтанности и подготовленности речи допрашиваемого, установления внешнего влияния на сообщаемые сведения (показания), эмоционального состояния допрашиваемого и его индивидуально-психологических особенностей, а также ситуации, возникающие при исследовании видеоматериалов, фиксирующих неформальную коммуникацию. В каждом из этих

случаев орган, назначающий экспертизу, и эксперт, принимающий экспертизу к производству, должны исходить из общего понимания возможностей современной науки и методологии судебной экспертизы и пределов компетенции эксперта. От этого зависит продуктивность их взаимодействия – результативность такой формы применения специальных знаний, как судебная экспертиза, и корректность оценки заключения эксперта.

Мы обозначили основные задачи, которые могут быть поставлены перед экспертами при исследовании видеоматериалов процессуальных и непроцессуальных действий, где зафиксирована речь лица, сообщающего какую-либо значимую (в контексте уголовного или гражданского дела) информацию.

Некоторые экспертные ситуации не вошли в данную статью, например исследование видеоматериалов, фиксирующих проведение оперативно-розыскных мероприятий (по делам о коррупционных преступлениях, мошенничестве и др.). Они будут рассмотрены в последующих публикациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Секераж Т.Н., Кузнецов В.О. Комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза: формы, виды, перспективы развития // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 4 (44). С. 98–107. <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-4-98-107>
2. Секераж Т.Н. Психологическое исследование информационных материалов: становление нового вида судебной психологической экспертизы и новой экспертной специальности // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Т. 14. № 1. С. 35–43. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-1-35-43>
3. Секераж Т.Н. Экспертные ошибки при производстве судебной психологической экспертизы / Судебная экспертиза: типичные ошибки / Под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2012. С. 183–225.
4. Волохова Л.А., Секераж Т.Н. Производство судебных психологических экспертиз видеозаписей оперативных и следственных действий (по материалам обобщения экспертной практики) // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 4 (40). С. 88–97. <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2015-4-88-97>
5. Гагина О.В., Кузнецов В.О. Исследование содержания аудио- и видеозаписей оперативных и следственных действий: современное состояние и перспективы развития // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 1 (33). С. 45–48.

REFERENCES

1. Sekerazh T.N., Kuznetsov V.O. Integrated Forensic Psycholinguistic Analysis: Forms, Types, Prospects of Development. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2016. No. 4 (44). P. 98–107. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-4-98-107>
2. Sekerazh T.N. Psychological Analysis of Informational Materials: Establishing a New Type of Forensic Psychological Evaluation and a New Forensic Science Specialty. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2019. Vol. 14. No. 1. P. 35–43. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-1-35-43>
3. Sekerazh T.N. Expert Mistakes in Conduct of Forensic Psychological Expertise. In: Rossinskaya E.R. (ed). *Forensic Expertise: Typical Mistakes*. Moscow: Prospekt, 2012. P. 183–225. (In Russ.)
4. Volokhova L.A., Sekerazh T.N. Conducting Forensic Psychological Assessments Using Video Recordings of Search Operations and Investigative Actions (Overview of Forensic Practice). *Theory and Practice of Forensic Science*. 2015. No. 4 (40). P. 88–97. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2015-4-88-97>
5. Gagina O.V., Kuznetsov V.O. Forensic Analysis of the Content of Audio and Video Recordings Obtained During Investigation: Review of Current State and Future Prospects. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2014. No. 1 (33). P. 45–48. (In Russ.)

6. Гагина О.В., Кузнецов В.О., Секераж Т.Н. Психолого-лингвистическое исследование видеозаписи допроса: проблемы и возможные пути их решения // Психология и право. 2015. Т. 5. № 2. С. 93–104. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2015100207>
7. Гагина О.В., Кузнецов В.О. Методика психолого-лингвистического исследования видеоматериалов процессуальных действий: влияние на содержание показаний. М.: РФЦСЭ, 2020. 52 с. <https://doi.org/10.30764/978-5-91133-203-7-2020-4>
8. Дозорцева Е.Г., Красавина А.Г. Правила проведения допросов несовершеннолетних, потерпевших от преступлений: изменения в следственной практике // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13. № 3. С. 23–31. <https://doi.org/10.17759/chp.2017130304>
9. Абрамкина Е.Е. Автороведческая экспертиза протокола допроса: основные особенности и методика анализа // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 158–163. <https://doi.org/10.17223/15617793/415/22>
10. Смирнова С.А., Макушкин Е.В., Аснис А.Я., Васкэ Е.В., Дозорцева Е.Г., Сафуанов Ф.С., Шишков С.Н., Шипшин С.С., Ошевский Д.С., Бердников Д.В., Секераж Т.Н., Калинина А.Н. Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы» // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3 (43). С. 64–73. <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-3-64-73>
11. Смирнова С.А., Усов А.И. Повышение научной обоснованности методического обеспечения судебной экспертизы – один из важных международных трендов // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 2. С. 11–17. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-2-11-17>
12. Васкэ Е.В. Методика психологического взаимодействия следователя с несовершеннолетним при допросе. Практические пособие. Н. Новгород: СУ СК РФ по Нижегородской обл., 2013. 82 с.
13. Васкэ Е.В. К вопросу об участии специалиста-психолога в подготовке и проведении допроса несовершеннолетнего, потерпевшего от сексуального насилия // Психология и право. 2012. Т. 2. № 2. <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n2/52072.shtml>
14. Карпова А.В., Михайлова Ю.А., Чижова Д.С. Возможности психологического анализа показаний несовершеннолетних свидетелей и потерпевших в уголовном судопроизводстве // Психология и право. 2019. Т. 9. № 4. С. 174–186. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090413>
15. Хитина М.В. Дифференциация спонтанной (неподготовленной) и подготовленной устной речи. Методическое письмо для экспертов. М.: РФЦСЭ, 2003. 52 с.
6. Gagina O.V., Kuznetsov O.V., Sekerazh T.N. Psycho-linguistic Study of Interrogation Videos: Problems and Possible Solutions. *Psychology and Law*. 2015. No. 2. P. 93–104. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2015100207>
7. Gagina O.V., Kuznetsov V.O. *Methodology of Psychological and Linguistic Research of Video Footage of Proceedings: Influence on the Content of Statement*. Moscow: RFCFS, 2020. 52 p. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/978-5-91133-203-7-2020-4>
8. Dozortseva E.G., Krasavina A.G. Interviewing Child Victims of Crime: Changes in Investigative Practices. *Cultural-Historical Psychology*, 2017. Vol. 13. No. 3. P. 23–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/chp.2017130304>
9. Abramkina E.E. The Interview Memo Authorship Examination: Basic Special Aspects and the Method of the Analysis. *Tomsk State University Journal*. 2017. No. 415. P. 158–163. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/15617793/415/22>
10. Smirnova S.A., Makushkin E.V., Asnis A.Ya., Vaske E.V., Dozortseva E.G., Safuanov F.S., Shishkov S.N., Shipshin S.S., Oshevskii D.S., Berdnikov D.V., Sekerazh T.N., Kalinina A.N. Information Letter “On the Issue of Legal Wrongfulness in Establishing Witness Credibility through Forensic Evaluation”. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2016. No. 3 (43). P. 64–73. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-3-64-73>
11. Smirnova S.A., Usov A.I. Enhancing the Scientific Validity of Methodological Support in Forensic Science: An Important International Trend. *Theory and Practice of Forensic Science*. (In Russ.). 2017. Vol. 12. No. 2. P. 11–17. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-2-11-17>
12. Vaske E.V. *Methodology of an Investigator's Psychological Interaction with a Minor during Interrogation. Practical Handbook*. Nizhny Novgorod: SU SK RF po Nizhegorodskoi obl., 2013. 82 p. (In Russ.)
13. Vaske E.V. To the Question of Participation of a Specialist Psychologist in Preparation for and Carrying out of Interrogation of Minor Victim of Sexual Violence. *Psychology and Law*. 2012. Vol. 2. No. 2. (In Russ.). <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n2/52072.shtml>
14. Karpova A.V., Mikhaylova Yu.A., Chizhova D.S. Possibilities of a Psychological Analysis of the Testimonies of Juvenile Witnesses and Victims in Criminal Proceedings. *Psychology and Law*. 2019. Vol. 9. No. 4. P. 174–186. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090413>
15. Khitina M.V. *Distinction of Spontaneous (Unprepared) and Prepared Oral Speech. Methodical Letter for Experts*. Moscow: RFCFS, 2003. 52 p. (In Russ.)

16. Возможности производства судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях Минюста России / Под ред. Т.П. Москвиной. М.: Антидор, 2004. 501 с.
17. Лурия А.Р. Язык и сознание. / Под ред. Е.Д. Хомской. М.: МГУ, 1979. 320 с.
18. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. 3-е изд. М.: Смысл, СПб.: Лань, 2003. 287 с.
19. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. 3-е изд., стер. М.: URSS, 2005. 211 с.
20. Леонгард К. Акцентуированные личности. М.: Феникс, 1989. 358 с.
21. Наенко Н.И. Психическая напряженность. М.: МГУ, 1976. 112 с.
22. Носенко Э.Л. Особенности речи в состоянии эмоциональной напряженности. Днепропетровск: ДГУ, 1975. 132 с.
23. Долинин К.А. Спонтанность – не спонтанность как стилистическая характеристика / Стилистика французского языка. 2-е изд., дораб. М.: Просвещение, 1987. С. 242–263.
24. Walsh D., Oxburgh G., Redlich A., Myklebust T. (eds). *International Developments and Practices in Investigative Interviewing and Interrogation*. London: Routledge, 2017. 318 p. <https://doi.org/10.4324/9781315769677>
25. Oxburgh G., Myklebust T., Grant T., Milne R. (eds). *Communication in Investigative and Legal Contexts: Integrated Approaches from Forensic Psychology, Linguistics and Law Enforcement*. Wiley-Blackwell, 2015. 402 p.
26. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М.: Юрлитинформ, 2001. 352 с.
27. Ратинов А.Р., Ефимова Н.И. Психология допроса обвиняемого. Методическое пособие. М.: ВНИИ проблем укрепления правопорядка, 1988. 114 с.
28. Васкэ Е.В. Психология допроса несовершеннолетних правонарушителей и жертв сексуального насилия. М.: Генезис, 2014. 312 с.
29. Коченов М.М., Осипова Н.Р. Психология допроса малолетних свидетелей. Методическое пособие. М.: ВИИПРМПП, 1984. 34 с.
30. Melinder A., Scullin M., Gravvold T., Iversen M. The Stability and Generalizability of Young Children's Suggestibility over a 44-month Interval // *Psychology, Crime & Law*. 2007. Vol. 13. No. 5. P. 459–468. <https://doi.org/10.1080/10683160601092997>
31. Andrews S.J., Lamb M.E., Lyon T.D. The Effects of Question Repetition on Responses When Prosecutors and Defense Attorneys Question Children Alleging Sexual Abuse in Court // *Law and Human Behavior*. 2015. Vol. 39. No. 6. <https://doi.org/10.1037/lhb0000152>
32. Kebbell M., Deprez S., Wagstaff G. The Direct and Cross-Examination of Complainants and Defendants in Rape Trials: A Quantitative
16. Moskvina T.P. (ed). *The Capacities of Conducting a Forensic Examination in State Forensic Institutions of the Russian Ministry of Justice*. Moscow: Antidor, 2004. 501 p. (In Russ.)
17. Luriya A.R. *Language and Mind* / E.D. Khomskaya (ed). Moscow: MGU, 1979. 320 p. (In Russ.)
18. Leont'ev A.A. *The Basics of Psycholinguistics*. 3rd ed. Moscow: Smysl, Saint Petersburg: Lan', 2003. 287 p. (In Russ.)
19. Leont'ev A.A. *Language, Speech, Speech Activity*. 3rd ed. Moscow: URSS, 2005. 211 p. (In Russ.)
20. Leongard K. *Accentuating the Personality*. Moscow: Feniks, 1989. 358 p. (In Russ.)
21. Naenko N.I. *Mental Orientation*. Moscow: MGU, 1976. 112 p. (In Russ.)
22. Nosenko E.L. *The Features of Speech and States of Emotional Orientation*. Dnepropetrovsk: DGU, 1975. 132 p. (In Russ.)
23. Dolinin K.A. Spontaneity and Non-Spontaneity as a Stylistic Characteristic. *Statistics of the French Language*. 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie, 1987. P. 242–263. (In Russ.)
24. Walsh D., Oxburgh G., Redlich A., Myklebust T. (eds). *International Developments and Practices in Investigative Interviewing and Interrogation*. London: Routledge, 2017. 318 p. <https://doi.org/10.4324/9781315769677>
25. Oxburgh G., Myklebust T., Grant T., Milne R. (eds). *Communication in Investigative and Legal Contexts: Integrated Approaches from Forensic Psychology, Linguistics and Law Enforcement*. Wiley-Blackwell, 2015. 402 p.
26. Ratinov A.R. *Forensic Psychology for Investigators*. Moscow: Yurilitinform, 2001. 352 p. (In Russ.)
27. Ratinov A.R., Efimova N.I. *Psychology of an Accused Interrogation. Handbook*. Moscow: VNII problem ukrepleniya pravoporyadka, 1988. 114 p. (In Russ.)
28. Vaske E.V. *Psychology of Minor Offenders' and Sexual Abuse Victim's Interrogation*. Moscow: Genezis, 2014. 312 p. (In Russ.)
29. Kochenov M.M., Osipova N.R. *Psychology of Minor Witnesses' Interrogation. Handbook*. Moscow: VIIPRMPP, 1984. 34 p. (In Russ.)
30. Melinder A., Scullin M., Gravvold T., Iversen M. The Stability and Generalizability of Young Children's Suggestibility over a 44-month Interval. *Psychology, Crime & Law*. 2007. Vol. 13. No. 5. P. 459–468. <https://doi.org/10.1080/10683160601092997>
31. Andrews S.J., Lamb M.E., Lyon T.D. The Effects of Question Repetition on Responses When Prosecutors and Defense Attorneys Question Children Alleging Sexual Abuse in Court. *Law and Human Behavior*. 2015. Vol. 39. No. 6. <https://doi.org/10.1037/lhb0000152>
32. Kebbell M., Deprez S., Wagstaff G. The Direct and Cross-Examination of Complainants and Defendants in Rape Trials: A Quantitative

- Analysis of Question Type // *Psychology, Crime & Law*. 2002. Vol. 9. No. 1. P. 49–59.
<https://doi.org/10.1080/10683160308139>
33. Craig T. Memory Conformity and Suggestibility // *Psychology, Crime and Law*. 2013. Vol. 19. No. 7. P. 565–575.
<https://doi.org/10.1080/1068316X.2011.648637>
 34. Балабанова Л.М. Судебная патопсихология. Донецк: Сталкер, 1998. 432 с.
 35. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза способности малолетних и несовершеннолетних давать показания. Пособие для врачей. М.: ГНЦ ССП им. В.П. Сербского Минздрава России, 1996. 20 с.
 36. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза. Учебник для академического бакалавриата. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2017. 309 с.
 37. Розет И.М. Психология фантазии. Экспериментально-теоретическое исследование внутренних закономерностей продуктивной умственной деятельности. 2-е изд., испр. и доп. Минск: Университетское, 1991. 196 с.
 38. Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения / Пер. с фр. М. Бекетовой. СПб.: Наука, 2001. 319 с.
 39. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. Психологический очерк. Книга для учителя. 3-е изд. М.: Просвещение, 1991. 90 с.
 40. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России. Компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 375 с.
 41. Danby S.J., Fleer M., Davidson C., Hatzigianni M. (eds.). Digital Childhoods: Technologies and Children's Everyday Lives / *International Perspectives on Early Childhood Education and Development*. Vol. 22. Springer, 2018. 287 p.
<https://doi.org/10.1007/978-981-10-6484-5>
 42. Нуцкова Е.В. Диагностическая и экспертная оценка психологических последствий сексуального насилия и злоупотребления в отношении девочек // *Психология и право*. 2018. Т. 8. № 4. С. 75–98.
<https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080408>
- Analysis of Question Type. *Psychology, Crime & Law*. 2002. Vol. 9. No. 1. P. 49–59.
<https://doi.org/10.1080/10683160308139>
33. Craig T. Memory Conformity and Suggestibility. *Psychology, Crime and Law*. 2013. Vol. 19. No. 7. P. 565–575.
<https://doi.org/10.1080/1068316X.2011.648637>
 34. Balabanova L.M. *Forensic Abnormal Psychology*. Donetsk: Stalker, 1998. 432 p. (In Russ.)
 35. *Comprehensive Forensic Psychological and Psychiatric Examination of the Minors' Ability to Testify. Textbook for Doctors*. Moscow: GNTs SSP im. V.P. Serbskogo Minzdrava Rossii, 1996. 20 p. (In Russ.)
 36. Safuanov F.S. *Forensic Psychology. Examination. Textbook for Academic Baccalaureate*. 2nd ed. Moscow: Yurait., 2017. 309 p. (In Russ.)
 37. Rozet I.M. *Psychology of Fantasy. Experimental and Theoretical Research of the Internal Patterns of Productive Mental Activity*. 2nd ed. Minsk: Universitetskoe, 1991. 196 p. (In Russ.)
 38. Sartr Zh.-P. *Imaginary. Phenomenological Psychology of Imagination* / Transl. from French by M. Beketova. Saint Petersburg: Nauka, 2001. 319 p. (In Russ.)
 39. Vygotskii L.S. *Imagination and Creativity in Childhood. Psychological Essays. Teacher's Book*. 3rd ed. Moscow: Prosveshchenie, 1991. 90 p. (In Russ.)
 40. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Nestik T.A. *Digital Generation of Russia. Competence and Safety*. Moscow: Smysl, 2017. 375 p. (In Russ.)
 41. Danby S.J., Fleer M., Davidson C., Hatzigianni M. (eds.). Digital Childhoods: Technologies and Children's Everyday Lives. *International Perspectives on Early Childhood Education and Development*. Vol. 22. Springer, 2018. 287 p.
<https://doi.org/10.1007/978-981-10-6484-5>
 42. Nutsikova E.V. Diagnostic and Forensic Assessment of the Psychological Consequences of Sexual Violence and Abuse against Girls. *Psychology and Law*. 2018. Vol. 8. No. 4. P. 75–98. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080408>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Секераж Татьяна Николаевна – к. юр. н., доцент, заведующий лабораторией судебной психологической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: t.sekerazh@sudexpert.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sekerazh Tat'yana Nikolaevna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Laboratory of Forensic Psychology, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: t.sekerazh@sudexpert.ru

Статья поступила: 10.01.2021
 После доработки: 14.02.2021
 Принята к печати: 25.02.2021

Received: January 10, 2021
 Revised: February 14, 2021
 Accepted: February 25, 2021